

Русские народные песни о реке: стилистические и ментальные черты

Звёздова Г.В.*, Володина И.В.**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского», Липецк

**Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение средняя общеобразовательная школа с углубленным изучением отдельных предметов с. Тербуны Тербунского муниципального района Липецкой области

Русское народное творчество, в особенности песня, выражает русскую ментальность во всех ее противоречиях и сложностях, а потому и является важнейшим источником изучения последней.

Цель статьи — рассмотрение проблемы ментальной обусловленности художественной стилистики русской народной песни.

Материал и методы. *Материал исследования: лирические и исторические песни, посвящённые Волге и Дону — главным артериям нашей земли. Нами описываются существенные черты русской ментальности. Использовались методы наблюдения, систематизации, обобщения; интерпретационный метод и метод контекстологического анализа.*

Результаты и их обсуждение. *Основным образом нашей ментальности являются просторы и пространства (природы). Русский простор как бы суммирует, сливает все эти черты воедино. Концепт «простор», нередко употребляющийся с эпитетом великий, величавый, вписывает обращение к Волге и Дону как к символам России, а образ, судьба реки при этом неотделимы от образа, судьбы России. Тропы же и стилистические фигуры (олицетворение, метафора, метонимия, повтор, риторические восклицания, инверсия, анафора и др.) служат раскрытию и утверждению этой идеи.*

Заключение. *Таким образом, к существенным чертам можно отнести, прежде всего, сопряженность (и антропоморфизм восприятия природы); целостность видения мира и представление о жизни как о целостном процессе; соборность (зерно русской ментальности).*

Стилистика оказывается той сферой русского языка, которая особенно мощно позволяет нам почувствовать наши корни, заглянуть в наше прошлое.

Ключевые слова: *русская народная песня, река (Волга, Дон), русская ментальность, соборность, сопряженность (антропоморфизм), целостность мировосприятия, образ ментальности, стилистические тропы и фигуры.*

(Ученые записки. — 2025. — Том 42. — С. 29–33)

Russian Folk Songs about the River: Stylistic and Mental Features

Zvezdova G.V.*, Volodina I.V.**

*Federal State Higher Education Establishment "P.P. Semenov-Tyan-Shansky State Pedagogical University of Lipetsk", Lipetsk

**Municipal Secondary General Education Establishment "Secondary School with Advanced Learning in the village of Terbuny, Lipetsk Region"

Russian folk art, especially the song, expresses the Russian mentality in all its contradictions and difficulties, and therefore is the most important source of study of the latter.

The purpose of the article is to consider the problem of mental conditioning of the artistic style of the Russian folk song.

Material and methods. *The research material was composed of lyrical and historical songs dedicated to the Volga and the Don — the main arteries of our land, and describes the essential features of the Russian mentality.*

Findings and their discussion. *The main way of our mentality is open spaces and spaces (of nature). Russian space, as it were, summarizes, merges all these features together. The concept of "space", often used with the epithet great, dignified, inscribes an appeal to the Volga and Don as symbols of Russia, and the image, the fate of the river is inseparable from the image, the fate of Russia. Tropes*

and stylistic figures (personification, metaphor, metonymy, repetitions, rhetorical exclamations, inversion, anaphora, etc.) serve to reveal and affirm this idea.

Conclusion. Thus, the essential features include, first of all, nature (and anthropomorphism of the perception of nature); the integrity of the world's vision and the notion of life as a holistic process; collegiality (grain of Russian mentality).

Stylistics turns out to be the sphere of the Russian language, which especially powerfully allows us to feel our roots, to look into our past.

Key words: Russian folk song, the river (the Volga, the Don), Russian mentality, conciliarity, co-naturalness (anthropomorphism), integrity of the worldview, the image of mentality, stylistic tropes and figures.

(Scientific notes. — 2025. — Vol. 42. — P. 29–33)

Вода — феноменальное явление природы, одно из самых загадочных веществ (по древним представлениям «существ») на Земле, до сих пор до конца не изучена современной наукой. Она различна не только по своим физико-химическим показателям. Люди в древности не просто понимали это, но обладали во многом научными знаниями о воде. Народная мудрость в устном народном творчестве, отражённая в пословицах, загадках, сказках, посвящённых водной стихии, изумляют современников: ведь воде под силу было даже дарить жизненную энергию всему растительному и животному миру, а также и человеку. Но она может и отбирать её. Отсюда наиболее распространённым в устном народном творчестве является сюжет о «мёртвой» и «живой» воде. Особый интерес представляет тема «водная стихия и песня». У древних славян высшим существом божественного мира была птица Матерь Сва, которую нельзя представить без песни. Эта песнь вдохновляла наших предков на жизнь и подвиги, ратные дела, помогая одолеть врагов, о чём мы узнаем из «Велесовой книги» [1].

Художественное осмысление богатейшего взаимодействия птицы и человека, особенно женщины, занимает значимое место в славяно-русской народной культуре, начиная со страны Лебедии (древнего степного края между Доном и Волгой) и заканчивая русскими вышивками. В этом возвышенном символе закодирован образ нашей древнейшей родоплеменной цивилизации — Гипербореи. Песенное сказание же сохранило живое воспоминание о славянских традициях, жертвенных приношениях (конечно же, они не были кровавыми) морю и рекам. «Как Садко чествовал хлебом-солью Волгу, так и Илья Муромец свою родную Оку. Отправляясь с родины на богатырские подвиги, опустил он на прощание корочку хлеба в Оку, за то, что пошла и кормила его <...> До сих пор рыбаки после счастливого плавания благодарят реку как-ким-нибудь приношением» [2. с. 206–207].

Русская народная песня — наиболее близкий народу жанр. В ней выражены мечты о сказочно-прекрасной жизни, она несёт идеалы любви и добра. Река в этом отношении — самый близкий и родной объект для человека, и не столько объект, сколько его друг и помощник. Особенно, конечно, народ вдохновляли крупные реки. Весьма многочисленными являются лирические и исторические песни, посвящённые Волге и Дону — главным артериям русской земли. В этом отношении «Собрание народных песен П.В. Киреевского» в двух томах даёт совсем небольшой материал [3].

Мы использовали и другие источники [4–6]. Цель настоящей статьи — рассмотрение проблемы ментальной обусловленности художественной стилистики русской народной песни.

Понятно, что лирические песни будут отличаться богатой палитрой стилистических красок. Исторические же песни, содержание которых связано с историей родины, народа, в целом страны или отдельного его сословия, например, казаков, содержат многие ментальные черты и приметы. К последним относятся песни, посвящённые, прежде всего, Дону. Песни о Доне пронизаны языческими представлениями. Река выступает как одушевлённый, живой субъект, для которого люди — дети. Она помогает им в самую трудную минуту, переживает за их жизнь-бытьё, сочувствует им в горе. От горького известия о казни Степана Разина Дон «помутился с вершины до Чёрного моря».

Материал и методы. Материал исследования: лирические и исторические песни, посвящённые Волге и Дону — главным артериям нашей земли. Нами описываются и существенные черты русской ментальности. При проведении исследования использовались методы наблюдения, систематизации, обобщения; интерпретационный метод и метод контекстологического анализа.

Результаты и их обсуждение. Как ни различны многочисленные определения ментальности и основной её единицы — концепта, ясно вполне, что ментальность — тот корневой план мировосприятия, который так или иначе выражается в слове. К этой ведущей мысли наука, и не только европейская, шла из глубокой древности (Пьер Абеляр), особенно активно работала лингвофилософская мысль в XIX веке. И очевидно, что ранние славянофилы только по-своему выражали мысль: язык является носителем народного духа. Это сближает их с крупнейшим мыслителем европейской науки В. фон Гумбольдтом. И.А. Бодуэн-де-Куртене же прямо подтверждает мысль о том, что каждый язык есть своеобразное мировидение [7].

Самый авторитетный ментолог нашего времени, профессор В.В. Колесов, подчёркивает, что мы должны говорить о русской ментальности как о *глубинном корне народной жизни* [8]. Нельзя не согласиться с этим, поскольку взаимодействие языка и народа амбивалентно: народ творит язык, но язык формирует его дух. Изначально язык задаёт ментальность и культуру того или иного народа. Охарактеризовать нашу ментальность помогает рефлексивная интуиция

русских философов, основанная на ключевых концептах славянского слова.

Русское народное творчество, в особенности песня, выражает русскую ментальность во всех её противоречиях и сложностях, а потому и является важнейшим источником её изучения. В древности корневой план мировосприятия, который так или иначе находит своё отражение в слове, спрятан в глубине мифологических представлений. Наиболее ярко он, очевидно, проявляется в сакральных обрядах-праздниках: Ярила Вешний (23 апреля), Живин день (1 мая), Водосвет (19 января), Водопой, он же Переплут (3 апреля. Именины водяного), Духов день (1 июня) и т.д. В такие дни с водной живностью выстраивались почтительно-родственные отношения, переходящие в поклонение. Водяного именуют дедушкой, ласковыми именами называют богиню жизни Живу [1].

Как не противоречива и сложна русская ментальность, в ней определённо можно выделить основные черты, которые собственно позволяют нам идентифицировать себя как русских. К таким чертам можно отнести, прежде всего, соприродность всякого русского (и антропоморфизм восприятия природы); целостность видения мира и представление о жизни как о целостном процессе; соборность (зерно русской ментальности).

Западный мир исходит из «я», русский — из «мы». Такова русская «мы-философия». Отсюда неприятие самой идеи демократии. Соборность — таинственная жизнь духа. «Мы» в соборности не есть коллектив; коллективизм не знает ближних, он есть соединение дальних и носит механистический, рациональный характер [9]. Именно соборность помогла нам выстоять против «коричневой чумы», ибо в экстремальных ситуациях она мощным образом пробуждается в русском народе.

Основным образом нашей ментальности являются просторы и пространства (природы). Русский простор как бы суммирует, сливает все эти черты воедино. Г. Гачев, болгарин, подчеркивает: «У русского пространство — это круг, мир окрест тебя» [10]. Такой схемой можно передать идею цельности целого, то есть всего, всего Божьего мира. Как пишет Колесов, «мир — страна — деревня — дом — я — и в обратном порядке, вкладываясь друг в друга, с расширением до космоса (уселеная: Вселенная) ... Мир в представлении русского — целое, и потом живое, организм, а не механизм. Вся русская философия пронизана отражением к мёртвой технике, к “машине”» [8, с. 132].

Древний грек выстраивал космос в плане красоты и порядка. Русский космос одухотворён, русский дом — в душе, и строй его — в приволье. Греческую стройность русский народ видит в нравственном единстве вселенной, разумея под этим что-то наподобие человеческого общества — как мир, общество. Русский космизм несёт все эти идеи с его реальным прорывом в космос (работы В.И. Вернадского, Н. Левашова и другие).

Принятие христианства в нашем варианте как глубокий синтез язычества и христианства не могло существенно сказаться на русской ментальности. Н.С. Трубецкой, будучи истинно русским учёным, писал о том, что органически воспринятым, вполне привившимся оказалось христианство лишь там, где оно переработало национальную культуру, не упразднив её своеобразия [11]. Тем более, церковная служба на Руси, в отличие от европейских славянских стран (Польши, Чехии), не велась на латинском языке, а проводилась на языке родном.

Антропоморфизм, всеприродность, лежащие в основе языческих представлений, делают приём олицетворения в стиле народной песни *ведушим*. В каждой песне мы встречаем обращение к реке как к живой. В одной из самых старых казачьих песен река Смородина «провестила» человеческим голосом красавицы-девицы [2, с. 206–207].

Река выступает не просто как одушевлённый, живой субъект, но и является главной жизненной ценностью. Ермак отказывается от золота, серебра, за свои заслуги он просит в награду Дон-батюшку. К реке обращаются как к ближайшему родственнику, как к родителям: *Дон-Батюшка, Волга-Матушка*, — которые переживают за весь свой народ как за собственных детей. Материнское (Родина) и отцовское (Отечество) в их совместности (та же семья) [8, с. 78].

Во всех их социальных чувствах они позволяют различать отцовское и материнское сознание, находящие себя как сознания, как любовь к Отечеству и любовь к Родине. Родина, материнство связаны с языком, с песней, сказкой, с народностью и непреодолимой жизнью бессознательного. Отечество (отцовство) — с долгом и защитой, социально-государственной сознательной жизнью. Их разъединение обедняет народ [12].

Все эти стилистические средства русской народной песни создают картину русской соборности, то есть чётко выражают идею ценности человека как вида, а не одиночки, не отдельной личности, индивида, ибо истоки соборности в народной традиции соборного делания и переживания. Стоит только посмотреть на сопереживание Дона казакам, получившим горькую весть о смерти Стеньки Разина. Эпитет *мутный* и его однокоренные слова (*возмущенный, помутился*) усиливает эффект единого всеобщего безраздельного горя.

Необычность стиля народной песни для современного носителя русского языка, очевидно, состоит в том, что стилистика её отвечает, как считает В.В. Колесов, главному принципу её строения: имеет место метонимическое расширение пространства типа «матрешечного». Очевидны чёткие двоичные противопоставления эквиолентного типа, которые сегодня описываются посредством дихотомических привативных. Беспредельность пространств становится исходной точкой развития как метафоры, так и самых разных чувств, ощущений и переживаний [8, с. 132]. С этим

связано и наличие двойных концептов, что отсутствует в других языках и составляет уникальное свойство русской ментальности: *Радость* и *Веселие*, *Честь* и *Совесть*, *Свобода* и *Воля*, *Грусть* и *Тоска*.

Вероятно, явление антропоморфизма и синкретность слова обуславливали это, как и ощущение беспредельности мира. По существу, все основные тропы художественного стиля возникают на базе переноса, т.е. сопоставления, сравнения, взаимосвязи: *сравнение*, *метафора* (скрытое сравнение), *олицетворение* (частный вид метафоры), *метонимия* (взаимосвязь в широком плане) и так далее. Заметим, большой знаток древности и устного народного творчества, Ю.Г. Круглов, также считает метафору главным тропом.

С утратой антропоморфизма и видения мира как живого организма все эти отношения разобщились и перестроились, как бы упростились. Практика подобного анализа у нас, к сожалению, пока полностью отсутствует и требует серьёзных работ.

Концептуально значимым является эпитет *вольный*: *вольная река*, *вольные берега*, *вольные казаки* и т.д. Концепт «Воля» в русской ментальности развивается сложным путём, весьма специфичным, взаимодействуя с концептом «Свобода» и его производными. Последний вообще не встречается в изучаемых текстах. Для русского человека воля, исходящая от чувства, порождает страстность характера, порой вызывая нежелательные действия экстремального типа, что для иностранцев остаётся загадкой. В западной ментальности воля соединяется действиями рассудка, а в русской — чувства. Как свобода ограничена пределами собственности и является внешней, так и воля ограничена совестью в русской ментальности и является внутренним проявлением: *совестная воля* и *бессердечная свобода* свойственны русской ментальности. Как и все ключевые концепты в русской культуре, *свобода* и *воля* этичны и выступают в разных ракурсах: воли, вольности и свободы. Наблюдения за народной песней подтверждают это. В своём анализе мы показали лишь некоторые двоичные противопоставления, наиболее близко связанные с основными чертами русской ментальности. Эта огромная тема требует самостоятельной разработки.

Восстановленная В. Родиныным народная песня о Волге «Волга, Волга — мать родная» [6] выстроена на обыгрывании концепта «Простор» с его родственными словами: *простор речной волны; как далеко простирает свои вольные берега; как широко разливают воды. Как ты глубока!* Всё это формирует образ безбрежного общего пространства. Структуру текста скрепляет анафора *Волга, Волга — мать родная*, которая отчасти переходит в рефрен, где анафора чередуется с фразами *Волга — вольная река* и *Волга — русская река*.

Повторы не просто концентрируют внимание на основной идее прославления, величания любимой реки, они же единят пространство как уникальное

свойство русскости (Волга — Россия — мир), атрибутом чего являются челны, *выплывающие лебедями* (лебедь ещё и символ Гиперборей). Перед нами одновременно метафора и метонимия (*лебеди — челны*), что усиливает не только мысль о древности Волги, но и о Волге как символе России. Кроме того, именные представления в тексте сливаются с обращением и риторическим восклицанием. Тем самым мы имеем слияние нескольких стилистических средств, которые усиливают своим взаимодействием впечатление выражаемых чувств и мыслей.

В другой русской народной весне «Ой, Волга, ты, Волга, красавица наша» образ Волги также выступает символом России, необъятной, могучей и вечной (*Плывут над тобою седые века*). Приём градации усиливает это впечатление: *Ты гордость народа, ты русская слава, плывут над тобою седые века... Ой, Волга, ты, Волга, простор величавый, Великая наша река!* [6]. Концепт «простор», нередко употребляющийся с эпитетом *великий*, *величавый*, как раз вписывает в текст обращение к Волге как к символу России, а образ, судьба Волги неотделимы от образа судьбы России. Стилистические же тропы и фигуры (олицетворение, риторические восклицания, инверсия, анафора) служат раскрытию и утверждению этой идеи.

Не менее богатая палитра стилистических красок и в песнях о Доне, которые по большей части носят исторический характер. Старинная казачья песня, которая стала эпиграфом к роману-эпопее М.А. Шолохова «Тихий Дон» о драматической судьбе донского казачества в начале XX века, выстроена на метафоре и иносказании: *Не сохами-то славная землюшка наша распахана... распахана наша землюшка лошадиными копытами, А засеяна славная землюшка / казацкими головами <...> Наполнена вода в Тихом Дону / Отцовскими да материнскими слезами.* Здесь и гипербола, которая усиливает метафору. В тексте о Доне также часто встречаются краткие формы прилагательных: *бела рыбица; студены ключи; круты бережка; Как мне, Тихому Дону, не мутну течи* (здесь к тому же риторическое восклицание). Наличествует множество уменьшительно-ласкательных слов: *мутнёхонек, быстрёхонек, чистёхонек*, — что свойственно как раз народной песне.

Исследование песен о Доне свидетельствует о том, что связаны не только судьба реки и судьба России, но и судьба личная, судьба каждого казака и всего казачества также связаны с Доном. Показательна в этом отношении песня «По Дону гуляет казак молодой». Все эти многочисленные повторы скрепляют пространство Дона и пространство мира, о чём говорит то, что дева шлёт привет, прежде всего, белому свету, и, соответственно, анафора каждой строки придаёт особый народный напев этой песне. Метонимия также придаёт ей художественную выразительность, усиливая чувство пространственности.

Некоторые песни имеют несколько вариантов, как, например, «Ой, ты батюшка наш, славный Тихий

Дон!», где фактически рисуется сопереживание Дона всенародному горю: война 1812 года, сбор казачьего ополчения на помощь русской армии, вынужденной оставить Москву Наполеону. Фактически Дон весь встряхнулся, он перестал быть на себя похожим. Настолько он переживает ситуацию, которая сложилась в России и среди казачества. Надо отметить, что частые повторы не просто концентрируют внимание на основных смыслах песни, но и единят это пространство Дона — России — мира.

Метафора *донские казаки, ясные соколы* подытоживает главную идею: без своих ясных соколов, донских казаков, Дон погибает, он очень остро реагирует на всенародное горе. Эпитет «мутен» вписан в градуальные отношения: *мутен течёшь; помутился ты, Дон, сверху донизу; уж как мне всё мутну не быть*, — и это один из самых распространённых приёмов в песнях о Доне.

Характерно, что более древний былинный вариант этой песни «Уж ты, Дон, ой, да ты, наш Дон, Дон, Дон Иванович» поражает фонетическими изобразительно-выразительными средствами, где те же стилистические приёмы обрамляются звукописью, которая свойственна многим былинным произведениям и восхищает современников, русских и иностранцев: *Уж ты-е-е, Дон, ой, да ты, наш Дон, ой-е, Дон, Дон Иванович <...> Э... возмущённый стал... Помутился, ой, да ты, наш Дон, свер... сверху донизу. Эх, сверху донизу, ой-е, сверху донизу, снизу, снизу доверху* — и т.д. [13].

Звукопись усиливает ведущий приём олицетворения, ибо голос Дона как бы сливается с голосом ясных соколов, донских казаков, т.е. здесь момент пространства уходит как бы внутрь пространства самой песни, переживает некую трансформацию, усиливающую единение Дона, донских казаков и России. За счёт звукописи возникает виртуальное ощущение безбрежной пространственности. Музыкантам будет чрезвычайно интересно сравнить мелодию такой песни с заунывной песней ямщика: *...что-то слышится родное / в долгих песнях ямщика: / то разгулье удалое, / то сердечная тоска.*

Заключение. В русской народной песне выражается представление о человеке как роде, она раскрывает нашу миссию в истории человечества, чётко сформулированную Ф.М. Достоевским: дать жизнь омертвевшему человечеству. Отсюда уникальная жертвенность России, о которой писали все наши русские философы.

Стилистика — та сфера русского языка, особенно мощно позволяющая нам почувствовать наши корни, заглянуть в наше прошлое. Ведь все многочисленные литературные произведения наших мастеров слова о Волге и Доне (например, М. Цветаевой, В. Высоцкого, М. Шолохова и многих других) построены на традиции народной песни. Напомним, что каждый

выпускник реального училища в XIX веке держал в руках книгу А.С. Шишкова, русского гения, знавшего более 20 языков и по благословению царя Николая I издавшего «Славянорусский корнеслов, язык наш — древо жизни на земле и отец наречий иных» [14], тогда как современные филологи, в том числе и профессора, не могут этим похвалиться.

Стилистика может помочь вернуться нашему родному языку в своё русло (его состояние печально, иногда кажется трагичным), а он поможет выстоять России в тяжелейших испытаниях. Не чиновники и схоласты, а живые люди, которые всё отдают для защиты родного языка и страны, могут спасти ситуацию в России.

Литература

1. Максименко, Г.З. Велесова книга: веды об укладе жизни и истоке веры славян / Г.З. Максименко. — Изд. 5-е. — М.: Концептуал, 2017. — 680 с.
2. Афанасьев, А.Н. Древо жизни: избр. ст. / А.Н. Афанасьев. — М.: Современник, 1982. — 464 с.
3. Собрание народных песен П.В. Киреевского. — М.: Наука, 1983, 1986. — Т. 1. — 341 с.; Т. 2. — 326 с.
4. Русские народные песни / сост. В.П. Аникин. — М.: Дет. лит., 1972. — 128 с.
5. Русское устное народное творчество: хрестоматия: учеб. пособие / сост., вст. ст. коммент. В.П. Аникина. — М.: Высш. шк., 2006. — 1127 с.
6. Виктор Родин. Волга, Волга — мать родная (восстановленная народная песня) и др. — URL: <https://stih.ru/2014/12/28/844> (дата обращения: 08.09.2025).
7. Звёздova, Г.В. Слово — путь и инструмент познания мира. Русская словесность — основа возрождения российского образования как важнейшей составляющей нашей культуры / Г.В. Звёздova // Terra культура. — 2019. — № 10. — URL: <http://terra.lgaki.info/socium/slovo-put-i-instrument-poznaniya-mira-russkaya-slovesnost-osnova-vozhrozhdeniya-rossiyskogo-obrazovaniya-kak-vazhneyshey-sostavlyayushhey-nashey-kulturyi.html> (дата обращения: 08.09.2025).
8. Колесов, В.В. Русская ментальность в языке и тексте / В.В. Колесов. — СПб.: Петербург. востоковедение, 2006. — 624 с.
9. Бердяев, Н.А. Русская идея / Н.А. Бердяев // О России и русской философской культуре. — М.: Наука, 1990. — С. 107–109.
10. Гачев, Г. Национальные образы мира / Г. Гачев. — М.: Сов. писатель, 1988. — С. 162.
11. Трубецкой, Н.С. История. Культура. Язык / Н.С. Трубецкой. — М.: Прогресс-Универс, 1995. — С. 80–82.
12. Федотов, Г.П. Россия, Европа и мы / Г.П. Федотов. — Париж, 1982. — С. 149.
13. Собрание народных песен П.В. Киреевского. — М.: Наука, 1986. — Т. 2. — 326 с.
14. Шишков, А.С. Славянорусский корнеслов. Язык наш — древо жизни на земле и отец наречий иных / А.С. Шишков. — СПб.: Духовное преображение, 2011. — 416 с.

Поступила в редакцию 07.10.2025